

**К. В. Зубко**  
(научный руководитель Л. С. Соболева)  
Уральский федеральный университет  
Екатеринбург, Россия

## **«И не буди неверень...»: преодоление сомнений апостолов в проповеднических Словах XVII в.**

**Аннотация:** в работе рассмотрен мотив сомнения на основе евангельских сюжетов о смущении апостолов: спасении Петра на водах и об уверении Фомы. Основным объектом исследования становится проповедь из рукописного сборника «Статир» XVII в., целью – выявление авторской позиции, используемой в связи с этим риторике и способа организации текста. Для более полного раскрытия прецедентного сюжета в проповедническом контексте XVII в. привлекаются проповеди на эту тему из сборников «Меч духовный» Лазаря Барановича (1666), «Обед душевный» Симеона Полоцкого (1681), Слово из Учительного Евангелия Кирилла Транквиллиона Ставровецкого (1617).

**Ключевые слова:** проповедь, сомнение, мотив, Петр, Фома, древнерусская литература.

Сомнение<sup>1</sup> есть, прежде всего, акт мышления<sup>1</sup>. Само явление сомнения – философское, но интересным для анализа становится именно художественное воплощение концепта в текстах, прошедшее авторскую обработку. Мотив сомнения в письменности и в повседневном языке может воплощаться во многих вариациях, при этом это будут несколько разные явления по семантике. В средневековой литературе оказался востребованным мотив апостольского сомнения.

Интересным объектом для рассмотрения он становится, поскольку ученики Христа традиционно воспринимаются как безукоризненные последователи и посланники Благовестия, являясь примерами для подражания. Однако сомневается и Фома, и Петр, и все ученики, они просят Христа помочь им в утверждении веры, каждый произносит ту или иную формулу, которая должна помочь преодолеть сомнение. Этот мотив, введенный притчей Нового Завета [Ин. 20:19–31; Мф. 14:20–33], привлекает внимание авторов проповеднических Слов, особенно на границе с Новым временем – XVII веком. При этом, так как обоснование появлению смущения в разных памятниках гомиетики различно, важно выявить систему авторской аргументации и распознать причину обращения к мотиву, его художественную значимость.

Для понимания того, как проповедники XVII века реагируют на эту проблему, обратимся к центральному для рассмотрения гомилиям на сюжет сомнения Петра в море, обнаруженным в ряде старопечатных и рукописных источников: Евангелие Учительное Каллиста, перевод с греческого относится к XIV в., но неоднократно печатно был воспроизведен в XVII–XVIII в. («Слово о молитве в пустыне и о Петрове потоплении за усумнение ко Христу»), второй источник – это Слово из Учительного Евангелия Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого (1617), перепечатанный в 1696 г. и рукописный сборник «Статир», Слово «О бедствовании учеников в море, и о сумнении Петрове и не скорбе в молитве, аще и не приим». Для полноты рассмотрения также привлекаются проповеднические слова на сюжет уверения Фомы из старопечатных книг – «Меч духовный» (1666 г.) Лазаря Барановича, «Обед душевный» (1681 г.) Симеона Полоцкого.

Век, в который писали авторы, давал поводы усомниться во многом. В «Слове на неделю 2 по Пасце. О Фоме» из сборника «Меч духовный» Лазаря Барановича уже в предисловии проповедник использует развернутую метафору светильника; премудрость Господа – свет, а

<sup>1</sup> «1) Сократическое сомнение – это такое сомнение, которое можно было бы назвать методическим, т.е. условием истины. 2) Скептическое сомнение – во всем другое, ибо оно есть самоцель, а потому не просто затрудняет, но перекрывает доступ к истине» [Шакиров, с. 13].

все, что без него и это не познало – темнота, в ней же и был Фома: «все тѣло свое суди(л) быти темным, всего себе суди(л) быти непросвѣщенным» [Баранович 1666: л. 10 об.]. Причину проповедник образным языком формулирует так: «Имѣл убо око свое за непростое и лукавое, заблудящее и ложное» [Баранович, л. 10 об.]. То есть неверие – это невозможность увидеть свет, истину, духовная слепота, предающая человека во тьму, причем исходящая от самого же себя, по своей вине следовавшего лишь за видимым зрением, внешним, а не внутренним, подлинным. Иисус в тексте проповеди Барановича произносит сам, в чем отличие Фомы от других: «Но понеже ты, Апост(о)ле, вѣрою Мя недосягль, рекль еси не иму вѣры, ради Тебѣ г(а)голю: прикасайся Мнѣ» [Баранович 1666: л. 13]. Спаситель выделяет Фому, не способного достичь Его верой, как нуждающегося. Опасность, которая грозит усомнившемуся апостолу, обличается в тексте проповеди и сравнением с едва не утонувшим в море Петром – Фома также начал в «невѣрии утопати».

В «Обеде душевном» Симеона Полоцкого мысль о тьме неверия созвучна проповеди в «Мече духовном»: «из тмы невѣрия освобождаетъ». Фома «получи целѣбу язвы сумнителства» [Полоцкий, л. 13], т.е. снова неверие показано как нечто отдаляющее человека во тьму, ставящее его в опасное прежде для него самого состояние души, описывается, какие страдания приносит неверие. Слабость Фомы объясняет слабости людей и, тем самым, в преодолении Петром сомнения кроется надежда для всех «христоименитых» (принявших крещение) на спасение.

Если в этом контексте перейти к сомнению Петра, то в проповеди Воскресного Учительного Евангелия Каллиста смущение апостолов на корабле обосновано страхом, в толковании к евангельскому эпизоду автор пишет так: «нападе паки страхъ на нихъ», т.е. описывается ситуация неузнавания, в которой Христос обозначает себя: «Азь есмь, не бойтесь»<sup>1</sup> [Уч. Еванг. XIV в.]. Далее оценивается просьба Петра: «аще Ты еси, повели ми прити к Тебе по водамъ» [Уч. Еванг. XIV в.]. В толковании этого Евангелия автором состояние оценено без иносказания (буквально) и перифразы – «сомнение». Ключевой глагол здесь «познать», как и в ситуации с Фомой, Петр должен узнать истину, он стремится к этому, причем это стремление воплощается в мотиве чудесного пути, который творит для него Сын Божий, и только процесс «дерзновения» в дальнейшем «освобождает» его, т.к. дает развитие дальнейшим событиям.

В этом Слове большой упор делается на характеристику того, что Петр, несмотря на сомнения, «первейший» и «предваряющий» среди других апостолов, поскольку именно своим желанием, проявленным в такой форме, он хотел приблизиться к Христу. Его страхи обосновываются в толковании Евангелия «человеческим естеством» – этой параллелью проповедник аргументирует дальнейшее поведение апостола на воде. В такую парадигму помещает автор поведение апостола: от большего дерзновения, т.е. первой просьбы удостовериться в том, что перед ним его Учитель, Петр впадает уже в смущение, свойственное человеку, связанное со страхом, потерей фокуса на истинном. Получается некий контраст между описанием апостола изначально – дерзновение, и в ситуации в море, когда «вера оскудела», автор трижды в тексте (это сильная, центральная позиция), в разных формулировках уточняет, что «не ветеръ» виноват, а «безверие», в которое Петр погрузился, после чего просил о помощи. Сам факт того, что он вновь в этой молитве обращается к своему Учителю символизирует уже отсутствие духовных смущений. Если в ситуации с Фомой высшей точкой отрицания сомнения стало показание ран, то здесь еще до своего спасения Петр словесно утверждает свою веру, тем самым, уже преодолевает сомнение, вновь обратившись к Христу. Таким образом, ситуацию сомнения автор облачает в метафору утопления в безверии, от которого его спасает обращение к Спасителю, подытоживая проповедь аналогией с многмятежным морем жития.

---

<sup>1</sup> При передаче древнерусского текста сохраняем графемы ѣ, љ; і передаем в слове мѣрь; раскрываем титлы, вставляем выпущенные буквы в круглых скобках, надстрочные буквы передаем курсивом.

Кирилл Транквилион начинает развивать тему в 9-ю неделю, не отступая от Евангелия Матфея и канона: дается зачало, далее автор делит толкование на две части: «О власти Божества Христова и о любви учеников къ учителю своему» и «О вере Петрове и дерзости его». Если судить по номинации заголовочного комплекса, то здесь нет акцента на сомнении апостола, наоборот, начинается часть о Петре с утверждения его большой любви и преданности, автор делает логическое ударение на том, что не просто ради чуда апостол хотел ходить по воде, но только ради того, чтобы быть рядом с Учителем, т.е. сразу задается мотив дальнейших действий. Транквилион единственный из рассматриваемых авторов упоминает о троекратном последующем отречении Петра, но не в контексте его слабости и смущения, а, напротив, горячей веры и любви, «так и зде»: приравнивает дерзость в желании прийти к Христу по воде с его будущим неверием в то, что он способен на отречение. Момент с сомнением апостола на водах обосновывается аналогично с рассматриваемым выше Евангелием: «отвращение» взгляда от Господа приводит к тому, что «неверие усомневательное в море погружаше» [Кирилл Транкв. 1617]. Дается прямое обращение Христа к Петру, в котором Он характеризует поступок апостола (проповедник следует в таком толковании за Иоанном Златоустом и Феофилактом Болгарским): «Болшему пределе еси верою... егда дерзнулъ еси снити... точию гласъ мой слыша, лица же моего не видя» [Кирилл Транкв. 1617]. Аналогично первому тексту, здесь показан контраст между отсутствием сомнения, дерзостью изначального поведения апостола и последующим маловерием. Однако далее появляется новый образ, связанный с сомнением: чтобы избежать смущений нельзя быть телом, а не верою с Христом, т.е. проповедник четко разделяет помыслы, деятельность разума и действия человека, показывая важность первого.

Проповедь из «Статира» «Яко без Б(о)га ничто же сотворится, и о бѣдствовании уч(е)н(и)къ въ мори, и о усумнѣнии Петровѣ...» начинается вступлением-сравнением пастыря с кормчим, без которого человеческая жизнь полна бедствий и лишений, после переход к образу Спасителя. Автор также цитирует Евангелие от Матфея, но при этом подключает к прецедентному тексту больше личного и эмоционального осмысления, давая характеристику состояния апостола в форме собственной просьбы: «Обаче молю Хр(и)ста и вопию из глубины д(у)шевныя: «простри мнѣ руку яко Петрови, и изведи мя ис тмы невѣдения, и просвѣти мя свѣтомъ б(ла)горазумия» [«Статир», XVII в., л. 191]. Ключевым здесь становится восприятие изначального состояния Петра (в подобном которому и проповедник, и слушатели по логике текста) как «тмы неведения». К «руке спасения» приравнивается знание, которое дал возможность получить и удостовериться Петру Христос и которое получают и слушатели: «Дажь же и слушаателемъ бл(а)г(ода)ть свою: да терпѣливне и любовне послушаютъ со вниманиемъ. Просвѣти имъ умъ, Г(оспо)ди» [«Статир», XVII в., л. 191]. Это новый виток мотива осознания важности направляемой, контролируемой умственной деятельности, который разворачивается в рассматриваемом тексте.

Гомилия далее развивается традиционно, сохраняя упорядоченные элементы сюжета: ученики в море, удалившийся для одиночной молитвы Господь, но интересными для анализа становятся отступления проповедника, в которых он делает смысловое ударение в тексте на важности для понимания жизни изучения трудов, которые до этого сделали «о(т)цы с(вя)тии, и премудрии ритори, и философи»: «Аще кто хоцетъ сихъ познати, таковый не обленися о(т)ц(ов)ъ писания читати... Мы же е мл(аден)цы суще, чим ся питаемъ, таковая и слушаателемх предлагаем» [«Статир», XVII в., л. 192 об.]. Изначальное «темное» состояние человека, неразумное, как у ребенка (далее проповедник вновь использует аналогичный прием: «Б(о)гъ не всегда просимое даетъ. Яко же м(а)ти, аще видить отроча несмысленное ножа просящи...» [«Статир», XVII в., л. 192]), возможно исправить, и проповедник предлагает, как – через путь познания, в котором всегда должны быть наставники.

В ситуации с не узнаванием Христа апостолами прослеживается мотив недостаточного знания: «Ибо не познаша его видѣниемъ... Да научить ихъ отвсюду терпѣнию, и своему познанию, да познають Его воистинну» [«Статир», XVII в., л. 194]. Толкование сомнения Петра тоже дается через прием метафоры, элементы которой уже встречались в предыдущих

Словах, «отведение взгляда» от Христа, т.е. истины, вредит человеку: «возръвъ к вѣтру, тогда запеня сумнѣниемъ» [«Статир», XVII в., л. 194 об.], Петр сомневался из-за «малодушия». Оригинальным в «Статире» становится попытка автора логически осмыслить цепь событий, появляются даже составные союзы, выстраивающие последовательность случившегося с апостолом: «Егда Петръ крѣпко и несумѣнно вѣрова, тогда хождаше по морю. А егда нача размышляти [по нѣкоихъ умствованию], буду ли в потомъ преходити по морю или ни, то есть маловѣрие» [«Статир», XVII в., л. 195]. Как только он начал размышлять – начал сомневаться, корнем случившегося проповедник считает пустые, не подкрепленные ничем размышления без пастыря, здесь закольцовывается данная в зачине тема. При этом также предпринята попытка количественного измерения веры апостола, что вновь наводит на мотив обратимости состояние сомнения: «Не до конца бо обезвѣрися Петръ, но мало нѣчто, еслико смутися, толико и погрузися» [«Статир», XVII в., л. 195], то есть «утопление» и буквально, и метафорически пропорционально количеству веры,

Тема смущения апостола затрагивается в евангельском тексте о смущении Петра в связи с морской стихией, и ни один из проповедников не обошел стороной переключку состояния человека с неустойчивым природным явлением: это эмоционально насыщенные, с обилием эпитетов, эмотивной лексики, риторических приемов, вызывающих к слушателям, тексты. Таким образом, схожим элементом во всех рассматриваемых Словах XVII века, объединяющей чертой является акцент на общечеловеческое начало в явлении сомнения: проповедники ободряют паству, как непосредственно через обращения к ней, так и через ткань текста показывая, что все люди могут впасть в смущение, поскольку жизнь как «бушующее море» («твое падение всѣмъ Христоименитымъ людямъ бысть постоянство» говорит Полоцкий о Фоме, оборот «Так и мы, братья...» в Учительном Евангелии). Это лишь элемент на пути к познанию истины. В Словах об усомнении и Фомы, и Петра осуждался лишь кризисный момент, который обозначался авторами как «маловѣрие», «малодушие», «падение», «неверие». Поведение преодолевающего сомнения апостола во всех Словах можно обозначить формулой: «дерзновение – смущение – покаяние – преодоление сомнения». Различным становится только способ подвода автором слушателей к мысли о преодолении сомнения, Если в Евангелии Учительном Каллиста автор в толковании воздействует на слушателя, основываясь на событии новозаветной притчи, в основном сравнениями: жизни и моря, Петра дерзнувшего и смутившегося, то Кирилл Транквиллион уже подключает воздействие на эмоции через композицию (начинает в первой части о любви учеников и через эту призму продолжает рассматривать поступки Петра), реплики Христа, который не просто обращается с одним риторическим вопросом к апостолу, но широко объясняет ему и всем слушателям произошедшее.

В Слове из «Статир» автор подключает личное осмысление ситуации сомнения апостолов, прослеживающееся во всех его текстах. Автор в Слове об уверении Фомы не говорит прямо ничего о поступке апостола сверх канонического текста, однако эту словесную картину проповедник использует как прямое назидание слушателям, другим священнослужителям, обращаясь к ним в самостоятельном отступлении: «О духовнии мужие! Церковнии кормителие пастырие хр(и)ст(о)выхъ овецъ. Аще увидиши невѣрующа уч(е)н(и)ка, помысли Вл(а)д(ы)чнѣ потшание, како единой ради д(у)ши, паки является, по осмихъ днехъ вназапу и чюдочно предстаеть...» [«Статир», 2023, с. 237]. Таким образом, в данном Слове отведено важное место теме осмысления роли священничества в моменты неверия: наставление «духовных мужей». В Слове об усомнении Петра вновь автор обращается к теме мыслительной сферы, в которой зарождается сомнение: «О, Петре, почто смутися мыслию?» [«Статир», XVII л. 194]. Но здесь сама архитектоника, построение Слова (его зачин о важности кормчего в жизни христианина, расстановка частей евангельского текста с толкованием и притчами) в сочетании с отступлениями дают понять авторскую позицию, единую для этой тематики: важным, направляющим и спасающим от последствий сомнения человека является именно наставление пастыря, решение, которое предлагается им для слушателей – следование

написанным мудростям, изучение их и погружение не в глубину сомнений, но в веру и просвещение.

### Литература

*Баранович Лазарь*. Меч духовный. Киев : Издательство Киево-Печерской лавры, 1666.

Библия в церковнославянском и синодальном переводах. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru> (дата обращения: 05.04.2024)

*Транквилион-Ставровецкий Кирилл*. Евангелие Учительное. Тип. Уневского монастыря, 1696. [4], 363, 183, [1] л.

*Полоцкий Симеон*. Обед душевный. М. : Тип. Верхняя, 1681. 771 л.

Российская государственная библиотека (РГБ). Собрание Румянцева. № 411. Сборник слов и поучений «Статир». XVII в. (третья четверть). 814 л.

*Соболева Л. С.* Сборник проповедей XVII века «Статир»: сакральные образы и автор. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022.

*Шакиров И. А.* Сомнение как философская категория. Уфа : Вагант. 2010.

### **K. V. Zubko. “And do not be unfaithful...”: overcoming the doubts of the apostles in the preaching Words of the XVII century.**

**Abstract.** The work examines the motive of doubt based on the Gospel stories about the confusion of the apostles: the salvation of Peter on the waters and the assurance of Thomas. The main object of the study is a sermon from the manuscript collection “Statyr” of the XVII century. The purpose is to identify the author's position, the rhetoric used in this regard and the way the text is organized. For a more complete disclosure of the precedent plot in the preaching context of the XVII century, sermons on this topic from the collections “The Spiritual Sword” by Lazar Baranovich (1666), “The Spiritual Dinner” by Simeon Polotsky (1681), a Word from the Teaching Gospel by Cyril Tranquillion Stavrovetsky (1617) are attracted.

**Keywords:** sermon, doubt, motive, Peter, Thomas, ancient Russian literature.